

Две истории о любви

7 апреля 2006 г., через две недели после перехода через 84-летний рубеж, в Санкт-Петербурге скончалась Сайра Азымовна Вельшакова – певица, педагог, музыкальный деятель, заслуженный работник культуры РФ и РТ. Сайра Азымовна была активным и деятельным человеком, открытым людям и всегда готовым прийти на помощь. На нее можно было положиться. Недаром она проработала в Санкт-Петербургской консерватории вплоть до последних дней жизни.

Живя вдали от Татарстана и центров татарской культуры, Вельшакова тем не менее вносила посильный вклад в развитие национального искусства: с детства пропагандировала татарскую музыку в нетатарской среде, была связующим звеном между казанскими артистами и татарской диаспорой Санкт-Петербурга, помогала татарским музыкантам и ученым, тем или иным образом связанным с Санкт-Петербургской консерваторией. Сайра Азымовна любила свой народ, родную музыку и считала своим долгом служить им делом. Это по-своему обогащало ее жизнь, придавало ей дополнительный смысл.

А еще Сайра Азымовна безотчетно любила Рустема Яхина, и, как мне кажется, с ее смертью на свете больше не осталось людей, ему искренне преданных. Сайра Азымовна была замужем за красивым и достойным человеком, вырастила красавицу дочь и красавицу внучку. Конечно, в ее жизни они занимали центральное место. Но в укромном уголке ее души до последних дней жизни продолжала гореть, а с появлением семьи, наверное, уже тлеть, но все же не гаснуть любовь к Яхину. На протяжении 60 лет в ней жили воспоминания молодости, и при встречах, по крайней мере со мной, она в основном говорила только о нем.

Дружеские отношения Сайры Вельшаковой (тогда Салахетдиновой) и Рустема Яхина начались весной 1946 года. Они встретились в Московской консерватории, где оба учились в татарской студии (позднее Яхин стал студентом консерватории). Вельшакова была исполнительницей студенческих произведений композитора, представляла их на концертах и экзаменах, в том числе на государственном экзамене Яхина. Специально для концертных выступлений Вельшаковой Яхин написал виолончельные партии к собственной «Песне любви» и «Колыбель-

ной» Дж. Файзи. Вельшакову считали «девочкой Яхина», и ей приходилось выполнять при нем некие секретарские обязанности (передать, принести, позвать и др.). На каникулах они продолжали общаться письменно. О любви разговоров не было. Вельшакова сначала догадывалась, а затем точно убедилась в предпочтениях Яхина, но, как говорится, сердцу не прикажешь.

В 1950 году с прекращением работы студии в жизни Сайры Азымовны наступила черная полоса. Так успешно начавшаяся певческая карьера складывалась не очень удачно. В школьные годы она пела в знаменитом на весь Ленинград детском хоре, с которым сотрудничали И. Дунаевский, В. Соловьев-Седой и другие корифеи советской песни, училась пению у известной солистки Мариинского (Кировского) театра В. Павловской, исполнение ею на смотре детского творчества песен М. Музафарова и Дж. Файзи было отмечено в прессе профессором М.А. Юдиным. Зампредседателя Горьковского облисполкома, услышав пение Вельшаковой, ходатайствовал о приеме ее в Московскую консерваторию. Но на последнем курсе студии что-то не заладилось с голосом, сменилось по разным причинам несколько педагогов по специальности, и Сайра Азымовна начала терять веру в себя. В Казани в оперный театр приняли только четверых выпускников, закончивших учебу в качестве студентов консерватории, остальные студийцы практически оказались не у дел. Но к работе, кроме как в Татарстане, их не готовили.

Сайра Азымовна в течение двух сезонов была солисткой эстрады в бригаде приютившего ее Рашида Вагапова. Но затем уехала в Ленинград, некоторое время нигде не работала, затем пробовала силы в новых специальностях, позднее вернулась в музыку: была завлабом кафедры русской и советской музыки и с 1973 го-

да преподавателем по исполнительской практике вокального факультета.

Сайра Азымовна уехала из Казани не столько из-за безденежья, бесквартирности и мыканья по деревням, сколько из-за взаимоотношений с Яхиным, который повел себя трусливо, избегал ее, а при случайных встречах вел себя как незнакомый человек. В Казани Вельшакова ему была не нужна, но честно сказать «не жди меня, возвращайся домой и устраивай свою судьбу», ему не хватало мужества. Это было оскорбительно. Сайра Азымовна воспитана в строгих правилах, не позволяющих вольных взаимоотношений с мужчинами и тем более навязчивости. Она не искала примитивных связей, а нуждалась в духовном общении. Но редко способный на поступок Яхин обычно ждал, что стоящие перед ним проблемы иссякнут и растворятся сами по себе без всякого его участия.

В 1960 году Сайра Азымовна поздравила Яхина с 60-летием ТАССР, он ответил. Переписка и прежние дружеские отношения возобновились так, как будто бы никогда не прерывались. Было и несколько встреч в Казани. Яхин наконец-то оценил преданность и бескорыстие Вельшаковой, воспринимал ее как своего человека.

Уже после смерти Рустема Яхина Сайра Азымовна записала компакт-диск из его романсов и песен. В каждой спетой ею ноте звучит искренняя и безмерная любовь. Она исповедуется в своих собственных чувствах.

***

Во время работы над книгой «Рустем Яхин: материалы, письма, воспоминания» я случайно разговорилась с одной дамой (назову ее Н. - для читателей она должна остаться прекрасной незнакомкой), не имеющей профессионального отношения к музыке, но знакомой с Яхиным и неоднократно встречавшейся с ним в обществе. К тому же она часто бывала на концертах, систематически слушала и смотрела татарские программы радио и телевидения, была музыкальна и хорошо знала татарскую музыку, в том числе яхинскую. Оказалось, что Н. училась с Яхиным в детской музыкальной школе у

О.М. Шевниковой (этот факт я привела в книге). Получалось, что к А.В. Чернышевой, которая всегда считалась единственным казанским педагогом Яхина, он, видимо, перешел после того, как О.М. Шевникова, начавшая обучение ученика-переростка, чуть-чуть поставила его на ноги.

Мы довольно подробно поговорили о Яхине, а при следующей встрече Н. (по-моему, совершенно неожиданно для себя) рассказала, как Яхин объяснился ей в своей давней любви. С использованием этих сведений в готовящейся книге она не согласилась и только сейчас, спустя 10 лет, разрешила воспользоваться ими, но так, чтобы ее имя осталось закрытым. Поэтому я неизбежно опускаю некоторые подробности.

Произошло это около середины 1970-х годов в спецбольнице на улице Чехова, где Яхин и Н. лечились в стационаре. После каких-то физиотерапевтических процедур Яхин очень собранно спросил, не может ли он немного поговорить с ней, и пригласил в находящуюся рядом комнату отдыха. Там, в самой будничной обстановке, одетый, как и Н., в больничную одежду, Яхин признался, что любит ее со школьных времен.

Я мгновенно поверила в эту историю, мысленно представив Н.-подростка: благоспитанная, женственная девочка из интеллигентной татарской семьи, ухоженная, очень красивая, с густыми черными ресницами и толстыми косами, со вкусом одетая, она по тем временам должна была выделяться из школьной массы. Любоваться ею должен был не только Рустем Хаджиевич.

Несмотря на то что кроме индивидуальных Яхин встречался с Н. еще и на групповых занятиях, он ни разу не заговорил с ней лично, хотя, как позднее припоминала Н., ей приходилось ловить его взгляды. В частности, урок Н. в школе следовал за уроком Яхина, поэтому, ожидая в классе своей очереди, она обычно грела руки о стенку горячей печки, а Яхин, продолжая играть, непрерывно оборачивался и взглядывал на нее.

С 1937 года Яхин учился в московском музыкальном училище. Возвратившись в Казань в 1941 году с началом войны, он попытался выяснять в школе, где сейчас эта девочка, но в той суматошной и нервной обстановке найти ее не сумел. Вскоре он был мобилизован, затем учился в Московской консерва-

тории и вернулся домой только в 1950 году.

«Все мои произведения только о вас», - сказал Н. Рустем Хаджиевич. Не знаю, как все, но, например, написанная в 1942 году на слова Г. Тукая «Песня любви» заставляет о многом задуматься. Это первое произведение Яхина, не имеющее предшественников ни в вокальной, ни в инструментальной музыке композитора, стоит в его творчестве особняком. Оно отличается неожиданной зрелостью и проникнуто таким высоким романтическим чувством, которое не соответствует менталитету военного времени. На таком музыкальном языке следовало обращаться не к современным советским сверстницам, а к дореволюционным просвещенным татарским девушкам начала XX века, к которым Н. по типу и принадлежит.

Рустем Хаджиевич вновь встретился с Н. только в начале 1960-х годов. Это произошло в Татарском академическом театре, куда Н. пришла с мужем. Яхин же находился в компании с поэтом Мустафой Нугманом, от которого узнал, что Н. - жена человека, с которым он хорошо знаком, и что она имеет филологическое образование. Далее при встречах Н. и Яхин здоровались, но тогда, поговорив с мужем Н., он не сделал никаких попыток быть представленным ей. Хотя они не обменялись ни словом, как бы само собой подразумевалось, что они узнали друг друга и возобновили безмолвное школьное знакомство. Яхин не искал встреч с Н. или, возможно, наблюдал за ней издали, так как они, несомненно, могли бывать в одних и тех же местах. Но, видимо, он хотел узнать об Н. как можно больше, и в этом ему помогал М. Нугман.

Н. рассказала, что после разговора в спецбольнице она по-другому оценила некоторые запомнившиеся ей факты. Так, например, в начале 1960-х годов, уже после встречи в театре, Н. часто занималась в читальном зале университета. Если там появлялся М. Нугман, он обязательно садился за один стол с Н. напротив нее (тогда в зале стояли большие дореволюционные столы). Это очень раздражало Н., потому что поэт ее пристально разглядывал. Н. опасалась, что имевший репутацию ловеласа М. Нугман попытается ее соблазнить. Но к ухаживаниям М. Нугман не приступал (только иногда галантно помогал Н. приносить тяжелые

газетные подшивки) - он изучал Н., чтобы рассказать о ней Яхину. На защите диссертации Н. снова увидела Яхина вместе с Нугманом, всю защиту они стояли у открытых дверей аудитории. Тогда Н. и в голову не пришло, что они пришли из-за нее, ей подумалось, что они ждут кого-то в коридоре и заглядывают в аудиторию от нечего делать.

О своем увлечении Яхин, видимо, кроме М. Нугмана, рассказал и матери, а та поделилась со своей приятельницей, которая, будучи хорошо знакома с матерью Н., привела Марьям Ситдиковну к ней в дом посмотреть на несостоявшуюся невестку. Как рассказала Н., две пожилые женщины (Марьям Ситдиковне было уже за 80) пришли без предупреждения, не зная, что матери Н. нет в городе (думаю, они это сделали специально, чтобы поговорить именно с Н., а не удивляться с ее матерью в отдельной комнате). Но Н. спешила на работу, и разговор был коротким. Судя по некоторым деталям, знакомая матери Н. поделилась этим несомненным секретом со своей семьей, но широкой огласки эта история не имела.

Завершая разговор в спецбольнице, Яхин сказал, что, раскрыв душу, он наконец-то испытал огромное облегчение. Возможно, к этому времени он уже изжил свою любовь и разговор помог поставить точку на этой странице его биографии.

Решившись наконец-то на откровенный разговор с Н., Яхин проявил определенную волю. Но взаимоотношения с ней все же не сложились из-за нежелания Яхина осложнять свою жизнь действием. Речь не о том, что он мог побороться за свою любовь к замужней женщине, здесь у него не было никаких шансов. Но что мешало ему отыскать ее, когда она была еще свободна? А вдруг тогда она ответила бы ему взаимностью?

Жизнь сыграла с Рустемом Хаджиевичем злую шутку. Пассивно отдавшись воле волн, он в конце концов все же женился. Его избранница прибилась к его берегу по собственному усмотрению. А он, не столкнув ее обратно в воду, как всегда стал ждать, не растворится ли она сама по себе, как исчезали с его горизонта более деликатные женщины. Но не тут-то было! Его существованию в последние годы жизни позавидует разве что бомж.

Юлдуз ИСАНБЕТ.